

заинтересовался «особист» – старший лейтенант, ходивший по двору в черном кожаном пальто, заложив руки за спину и глядя себе под ноги.

Как-то в воскресенье, дневальный громко объявляет мою фамилию и передает приказ «явиться в штаб на 3-й этаж». Я твердо знал, что штабное здание двухэтажное и стал возражать, на что он мне на ухо сказал: «Там на чердаке есть каморка и в ней сидит «особист»». Так и получилось. Встретил он меня приветливо, предложил сесть, угостил папиросой и попросил рассказать все о себе: кто отец, кто мать, как служится. Я все ему откровенно рассказал, что «служится неважно», он посочувствовал и сказал, что я, как советский человек, должен помочь ему в одном деле. Я удивился и сказал, что вряд ли чем-нибудь ему помогу, ведь числюсь в составе «нерадивых». Он возразил, что это и хорошо – меньше будет подозрений. Потом сказал, что ему стало известно о каких-то антисоветских разговорах, якобы имевших место перед 1-м Мая. Я ответил, что ничего подобного не слыхал. «Ну, если услышишь, то ты должен будешь об этом сообщить мне. Псевдоним у тебя будет «Кирпичев». Записку с сообщением для меня передашь младшему лейтенанту Иванову. Но помни, что ты не один, и если другие сообщат о таких разговорах, а ты нет, то тебя будут считать сообщником».

«Вот влип, так влип!» – подумал я и стал сторониться людей. Как увижу, что разговаривают 2-3 человека, так сразу иду подальше от них.

И еще одно событие произошло у нас в Коростене. В феврале 1941 года, в воскресенье, утром по тревоге нас поднял сам командир батареи лейтенант Сиденко. Он объявил, что к нам прибывает пополнение, а мы не готовы его принять, поэтому следует срочно освободить первый этаж нашего трехэтажного здания казармы, а на втором и